СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Крупная промышленность древняго міра. Проф. *Ю. Белоха* 649

II. Соціальное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. *П. Мижуева* 658

III. Доказательства существованія и единства эфира. Прив. доц. *Б. П. Вейнберга* 672

IV. Бытъ древнихъ скандинавовъ. Проф. *Могка* 687

V. Къ теоріи трудовой цѣнности. *Эд. Бернштейна* . . . 711

VI. Новое изслѣдованіе объ общинѣ (К. Качоровскій. Русская община) *М. Ф.* 727

VII. Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. *Н. Каренина.* 741

VIII. Теорія критически-мыслящей личности. *М. Филиппова* 755

IX. Ученіе Бемъ-Баверка о доходѣ на капиталъ (*Окончаніе*). *А. Рыкачева* 776

X. Къ вопросу о производительномъ трудѣ. (Отвѣтъ г. С. Прокоповичу). *В. Базарова.* 797

XI. Научныя новости:
1. Переливаніе крови, какъ доказательство кровнаго родства между животными. 2. Новыя физіологическія изслѣдованія надъ круглолистной росянкой. 3. Саламандры, лишенныя легкихъ. 4. Проростаніе сѣмянъ, охлажденныхъ жидкимъ водородомъ. 5. Реформа календаря въ Россіи 806

XII. Новыя книги:
Штумпфъ, Эволюціонная идея въ современной философіи. *П. Берлина.* 809

XIII. Книги, полученныя редакціей.

XIV. Приложенія:
Берне. Мелкія сочиненія. Л.л. 5—12. (Окончаніе первой части).

XV. Объявленія.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ г. І. Давыдова («Научн. Об». № 1, 1900) на стр. 158, строка 28 св. послѣ словъ: участвуетъ ли онъ въ производствѣ непосредственно» слѣдуетъ добавить: *или непосредственно*, а на стр. 159 строка 18 св. послѣ словъ: «не въ процессѣ производства не ради» добавить: созданія.

1900 годъ VII-й

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

2-й экз.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. №

№ 4.

АПРѢЛЬ.

Государственная историческая библиотека

Изданіе П. П. СОЙКИНА
подъ редакціею
д-ра филос. М. М. Филиппова.

летвореніе потребностей перваго рабочаго, т. е., чтобы приготовить ему пищу на этотъ день, сдѣлать его одежду, построить его жилище, доставить ему удовольствія, услаждавшія его въ свободные часы. Можно сказать, что полезность дубовъ создана совмѣстнымъ трудомъ всѣхъ членовъ соціалистическаго общества. Это вытекаетъ уже изъ того, что насажденія дубовъ должны входить въ общій планъ всѣхъ работъ государства и, слѣдовательно, стоять въ зависимости отъ прочихъ частей этого плана.

Всѣ замѣчанія, сдѣланныя нами относительно ученія Б.-Бав. о доходѣ на капиталъ, можно резюмировать такъ.

Бёмъ-Баверкъ далъ три самостоятельныя, другъ съ другомъ логически не связанныя, объясненія для дохода на капиталъ:

1) причиной дохода на капиталъ онъ выставилъ обмѣнъ благъ настоящаго на блага будущаго;

2) причиной дохода на капиталъ онъ выставилъ созрѣваніе благъ настоящаго въ блага будущаго;

3) причиной дохода на капиталъ онъ выставилъ фактъ сравнительно большей производительности болѣе длинныхъ путей производства.

Бёмъ-Баверку слѣдуетъ поставить въ вину:

1) то, что онъ придаетъ большое значеніе первому своему объясненію.

2) то, что онъ придумалъ второе и третье свои объясненія, которыя ни какихъ основаній за собой не имѣютъ;

3) то, что всѣ эти три теоріи онъ насильственно связалъ, и смѣшалъ вмѣстѣ и выставилъкакъ единую теорію.

А. Рыкачевъ.

Къ вопросу о производительномъ трудѣ.

Отвѣтъ г-ну С. Прокоповичу.

Есть два рода критики. Критика *по существу*, опровергающая логически аргументы разбираемаго писателя, и критика *обличительная*, апеллирующая болѣе къ чувству, чѣмъ къ логикѣ читателя. Къ этому второму роду критики принадлежитъ появившаяся въ ноябрьской книжкѣ «Жизни» замѣтка г. Прокоповича, посвященная разбору моей брошюры: «Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность». Г. Прокоповичъ обвиняетъ меня въ цѣломъ рядѣ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ: я допустилъ «вопіющее искаженіе основныхъ воззрѣній Маркса», передѣлавъ его «въ буржуазнаго экономиста», а буржуазныхъ экономистовъ превратилъ «въ неумныхъ марксистовъ», и т. д. и т. д. Гнѣвъ г. Прокоповича изливается не только на автора разбираемой имъ брошюры,—нѣтъ, онъ захватываетъ гораздо болѣе обширную область. Недостатки моей работы оказываются не моимъ личнымъ дѣломъ, но частнымъ проявленіемъ общаго первороднаго грѣха, свойственнаго всѣмъ «русскимъ интеллигентамъ». Здѣсь краснорѣчіе г. Прокоповича достигаетъ силы и яркости библейскихъ пророковъ, обличавшихъ нечестивыхъ іудейскихъ царей.

«Русскій интеллигентъ полагаетъ, что для знанія политической экономіи совершенно достаточно нѣсколько разъ проштудировать «Капиталъ». Онъ толкуетъ отрывки изъ «Капитала» вкривь и вкось съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ схоластики толковали Аристотеля [1]). Экономическая дѣйствительность и настоящая (?) политическая экономія остаются за предѣлами его кругозора. Онъ отворачивается отъ «буржуазной» политической экономіи, не зная ея; онъ восхищается марксизмомъ, не понимая ученія Маркса; немилосердно смѣшивая воззрѣнія Маркса съ воззрѣніями «буржуазныхъ» экономистовъ, онъ считаетъ себя единственнымъ представителемъ «истинной» науки, настоящимъ сосудомъ истины».

Вотъ какіе громы низвергаются на голову бѣднаго «русскаго интеллигента!»

Однако, посмотримъ, дѣйствительно ли такъ страшна эта гремящая и сверкающая туча, какою она кажется съ перваго взгляда. Я, къ сожа-

---

[1]) Намъ кажется, что многіе русскіе интеллигенты повинны въ иномъ: они почему то воображаютъ, что обладаютъ *монополіей* пониманія Маркса. Отсюда частыя восклицанія ихъ: Маркса надо изучать и т. п., причемъ не принимается во вниманіе, что можетъ быть и другіе не менѣе ихъ „изучали“. *Ред.*

лѣнію, не чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобы говорить отъ имени «русскаго интеллигента», и поэтому въ дальнѣйшемъ ограничусь только тѣмъ, что въ рецензіи г. Прокоповича относится собственно къ моей брошюрѣ. Начнемъ съ «буржуазныхъ» экономистовъ.

«Г. Базаровъ въ противоположность Марксу считаетъ производительнымъ трудомъ «всякую цѣлесообразно-направленную затрату человѣческой энергіи, имѣющую своимъ объективнымъ результатомъ удовлетвореніе извѣстной общественной потребности» (стр. 6)..... Такимъ образомъ г. Базаровъ возвращается на точку зрѣнія «буржуазныхъ» экономистовъ Смита и Рикардо». Такъ ли это? Мой ученый оппонентъ, конечно, помнитъ, что А. Смитъ называетъ трудъ производительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ создаетъ «предметъ или вещь, которую можно было бы продать, которая существовала бы по прекращеніи труда и которая могла бы доставить впослѣдствіи такое же количество труда». («Изслѣдованіе» и пр. т. II стр. 99 изд. 66 г.). Это замѣчаніе брошено А. Смитомъ не вскользь,— наоборотъ, анализируя трудъ прислуги и лицъ такъ наз. «либеральныхъ профессій», онъ неоднократно подчеркиваетъ, что только трудъ, создающій *матеріальныя* вещи, можетъ считаться производительнымъ (см. стр. 95—100). Именно здѣсь и намѣчается «точка зрѣнія» классической экономіи на производительный трудъ. Я говорю о *классической* школѣ, а не о «буржуазной» экономіи вообще, какъ это дѣлаетъ г. Прокоповичъ, по той простой причинѣ, что общей «буржуазной» точки зрѣнія по данному вопросу вовсе не существуетъ, и, конечно, моему критику, столь основательно изучившему и «экономическую дѣйствительность», и даже какую-то невѣдомую «настоящую» политическую экономію, должно бы быть извѣстно, что представители разныхъ школъ буржуазной экономіи далеко не одинаково опредѣляютъ понятіе «производительный трудъ». Итакъ, *точка зрѣнія* А. Смита несомнѣнно формулируется такъ: производителенъ только трудъ, создающій матеріальные предметы. Это признаетъ мимоходомъ и самъ г. Прокоповичъ и какъ разъ на той же самой 341 стр., гдѣ, какъ мы уже видѣли, онъ увѣряетъ, что г. Базаровъ похитилъ свою точку зрѣнія у А. Смита. Оказывается въ концѣ концовъ, что А. Смитъ съ одной стороны строго различалъ лицъ, участвующихъ въ матеріальномъ процессѣ производства, отъ лицъ, занятыхъ въ «либеральныхъ профессіяхъ»; съ другой стороны вмѣстѣ съ г. Базаровымъ признавалъ производительнымъ всякій общественно-необходимый трудъ, совершенно независимо отъ того, направленъ ли онъ на матеріальные, или нематеріальные предметы потребленія. Провести послѣдовательно эти двѣ несовмѣстимыя точки зрѣнія, очевидно, совершенно невозможно; а такъ какъ А. Смитъ ясно и опредѣленно и притомъ безъ всякихъ принципіальныхъ ограниченій формулировалъ только первую изъ нихъ, то, какъ кажется, я имѣлъ полное право принять ее за основную.

Боюсь, что г. Прокоповичу эти соображенія покажутся неубѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей замѣткѣ онъ считаетъ возможнымъ положить въ основу понятія «производительный трудъ» два совершенно не связанные другъ съ другомъ критерія: съ одной стороны, различіе между матеріальнымъ и нематеріальнымъ производствомъ, съ другой стороны, различіе между технически-необходимымъ и общественно-необходимымъ трудомъ. Ниже мы разберемъ оба эти критерія по существу. Въ настоящее время насъ интересуетъ только фактъ ихъ существованія въ головѣ г. Прокоповича. Какъ же быть, когда «нематеріальный» трудъ оказывается технически-необходимымъ, или, наоборотъ, когда трудъ «матеріальный» излишенъ технически? Подъ какую рубрику занесетъ г. Прокоповичъ подобные виды труда? Ни тотъ, ни другой критерій не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Насколько я понимаю, объемъ одного и того же понятія никоимъ образомъ нельзя опредѣлять двумя несовмѣстимыми по существу признаками; такая логическая операція возможна, очевидно, только въ той высшей логикѣ, которая пріобрѣтается особенно глубокимъ проникновеніемъ въ суть вещей и совершенно недоступна поверхностному уму русскаго интеллигента. Къ сожалѣнію, впрочемъ, даже не всѣ иностранные интеллигенты обладаютъ этой высшей логикой. Такъ, напримѣръ, экономисты такъ наз. «вульгарной» школы уже очень давно усмотрѣли, что послѣдовательное проведеніе точки зрѣнія классиковъ приводитъ къ признанію непроизводительными всѣхъ видовъ труда, не создающаго матеріальныхъ предметовъ. Именно поэтому Ж. Б. Сэй, популяризируя, въ общемъ, А. Смита, внесъ существенныя измѣненія въ ученіе о производительномъ трудѣ, а Маклеодъ придалъ этимъ новымъ воззрѣніямъ законченную форму теоріи услугъ. Правда, самъ А. Смитъ причислялъ нѣкоторые виды нематеріальнаго труда къ области производства, и г. Прокоповичъ съ торжествомъ указываетъ мнѣ на 146 стр. русскаго перевода «Изслѣдованія о бог. народовъ», гдѣ А. Смитъ называетъ трудъ оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ производительнымъ. Какъ же мотивируетъ А. Смитъ это положеніе? Быть можетъ онъ выдвигаетъ новый критерій, называетъ торговцевъ производительными работниками, потому что трудъ ихъ общественно-необходимъ? Ничуть не бывало. «Трудъ ихъ (т. е. производ. работниковъ, въ томъ числѣ оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ), если онъ направленъ, какъ слѣдуетъ, прилагается къ предмету или вещи, которая можетъ быть продана...» Вотъ и вся мотивировка. А. Смитъ и здѣсь остается вѣрнымъ уже извѣстной намъ основной точкѣ зрѣнія, но въ данномъ случаѣ онъ впадаетъ въ явное недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и трудъ ученаго прилагается къ книгѣ, т. е. къ «вещи, которая можетъ быть продана»; между тѣмъ А. Смитъ категорически зачисляетъ «всякаго рода ученыхъ» въ категоріи *непроизводительныхъ*, хотя и весьма полезныхъ для общества работниковъ (Уже одно это противоположеніе показываетъ, какъ мало склоненъ былъ А. Смитъ считать производительными всякіе виды «общественно-необходимаго» труда). Нѣтъ и не можетъ быть такой формы труда, которая для своего проявленія не нуждалась бы въ вещественной оболочкѣ. Важно здѣсь то, что и трудъ ученаго, и трудъ торговца имѣютъ своимъ назначеніемъ отнюдь не измѣненіе матеріальной формы предметовъ. Поэтому и тотъ и другой видъ дѣятельности долженъ быть отнесенъ съ точки зрѣнія, установленной Смитомъ, къ категоріи непроизводительнаго труда. Анализъ отдѣльныхъ противорѣчій А. Смита, анализъ отдѣльныхъ его *взглядовъ* вовсе не входилъ въ мою задачу, *о чемъ я и оговорился въ самомъ началѣ моей работы*,—для меня была важна только его основная *точка зрѣнія* и то лишь потому, что она оказала извѣстное вліяніе на Маркса. Такимъ обра-

зомъ, цитаты изъ А. Смита, которыя съ такимъ торжествомъ преподноситъ мнѣ мой строгій критикъ, оказываются явнымъ образомъ отправленными не по адресу [1]).

Г. Прокоповичъ величаво постулируетъ, что, для политической экономіи имѣетъ интересъ лишь трудъ, «воплощающійся въ матеріальныхъ продуктахъ». «Хорошо, говоритъ онъ, назовемъ и трудъ лицъ либеральныхъ профессій трудомъ производительнымъ: развѣ это измѣненіе названія уничтожаетъ тѣ существенныя различія, которыя существуютъ между трудомъ лицъ, участвующихъ въ матеріальномъ производствѣ, и трудомъ лицъ, въ немъ не участвующихъ? Развѣ перемѣна названія можетъ придать труду послѣдняго рода экономическое значеніе?»

Въ чемъ же заключается это «экономическое значеніе» труда лицъ, участвующихъ въ матеріальномъ производствѣ? Только въ томъ, что продукты этого труда удовлетворяютъ необходимой общественной потребности. Совершенно то же «значеніе» имѣетъ и трудъ «лицъ либеральныхъ профессій». Назовемъ ли мы это значеніе экономическимъ, или какъ-нибудь иначе,—это дѣйствительно все равно. Важно то, что *общественная роль* представителей физическаго и умственнаго труда совершенно одинакова. Но, быть можетъ, «существенное различіе» заключается въ самомъ характерѣ потребностей, къ удовлетворенію которыхъ направленъ трудъ работниковъ первой и второй категоріи? Въ своей брошюрѣ я подробно доказываю, что противоположеніе матеріальныхъ и нематеріальныхъ потребительныхъ цѣнностей въ высшей степени искусственно и не научно, что потребительныя цѣнности второго рода вовсе не являются специфической привилегіей такъ наз. «либеральныхъ профессій», но, наоборотъ, сплошь да рядомъ встрѣчаются и въ тѣхъ сферахъ производства, которыя всѣ «настоящіе» экономисты причисляютъ къ «матеріальному производственному процессу». Итакъ, по своему назначенію трудъ лицъ либеральныхъ профессій и трудъ физическій различаются между собою ничуть не больше, нежели отдѣльныя подраздѣленія труда послѣдней категоріи. Остается только предположить, что *формы дѣятельности* лицъ либеральныхъ профессій, самая организація ихъ труда, заключаютъ въ себѣ что-либо специфически-своеобразное. И этого нѣтъ. Общественная организація въ области умственнаго труда, какъ я старался показать, характеризуется тѣми же существенными признаками, какъ и организація матеріальнаго производства.

[1]) Г. Прокоповичъ для окончательнаго моего посрамленія приводитъ еще слѣдующую цитату изъ А. Смита: „цѣна товара должна оплатить всѣ издержки по изготовленію его и доставленію на рынокъ“ (Изслѣдованіе о бог. нар. 66 г. II, 236). Такой фразы на 236-ой стр. вовсе нѣтъ; въ дѣйствительности, тамъ написано слѣдующее: „Количество произведеній, которое можетъ быть приготовлено или куплено трудомъ человѣка въ какой либо странѣ, естественно управляется дѣйствительнымъ спросомъ на нихъ или требованіемъ людей, готовыхъ для пріобрѣтенія ихъ оплатить всю поземельную ренту, весь трудъ и всю прибыль, необходимыя для приготовленія и для доставленія ихъ на рынокъ“. Не трудно понять, почему г. Прокоповичъ счелъ умѣстнымъ нѣсколько *модифицировать* подлинный текстъ. Рента и прибыль, входящія, какъ видно изъ цитаты, также въ цѣну продукта, вовсе не выводятся А. Смитомъ изъ затраты труда, наоборотъ, то и другое представляется ему *прибавкою* къ трудовой цѣнности. Слѣдовательно не всѣ части цѣны продукта сведены Смитомъ на производительный трудъ. Очевидно, достаточно только возстановить эту цитату, для того, чтобы она потеряла всякій смыслъ какъ аргументъ противъ моего пониманія теоріи Смита.

Весьма возможно, конечно, что моя аргументація недостаточна, что существуютъ основанія, оправдывающія *принципіальное* различіе между либеральными—«не-экономическими» и всѣми остальными—«экономическими» профессіями. Однако, для того, чтобы доказать это, необходимо, очевидно, разобрать по существу приводимые въ моей брошюрѣ соображенія и обнаружить ихъ несостоятельность. Между тѣмъ г. Прокоповичъ не только не даетъ себѣ труда опровергать мои аргументы, но прямо таки увѣряетъ своихъ читателей, что въ моей брошюрѣ и нѣтъ никакихъ аргументовъ: «г. Базаровъ не разъяснилъ намъ, въ чемъ именно состоитъ экономическое значеніе труда лицъ либеральныхъ профессій; *онъ попросту призналъ ихъ трудъ трудомъ производительнымъ*». Вотъ, по истинѣ своеобразный критическій пріемъ, допускающій, какъ мнѣ кажется, только одно объясненіе. Очевидно, г. Прокоповичъ не прочиталъ, а пробѣжалъ глазами мою брошюру, выхватилъ двѣ, три отдѣльныя фразы, и, замѣтивъ, что онѣ не согласуются съ нѣкоторыми ходячими мнѣніями, сталъ уличать меня въ противорѣчіи съ тѣмъ, *противъ чего* какъ разъ и написана моя брошюра. Съ особеннымъ искусствомъ тотъ же «критическій методъ» употребилъ г. Прокоповичъ, обличая меня въ самомъ тяжкомъ моемъ грѣхѣ—въ клеветѣ на Маркса.

По мнѣнію г. Прокоповича «Марксъ строго различаетъ технически-необходимый трудъ отъ общественно-необходимаго и считаетъ непроизводительнымъ только послѣдній. Трудъ по перевозкѣ товаровъ *до мѣста потребленія* (курсивъ мой) онъ считаетъ дополнительнымъ производительнымъ трудомъ, расходуемымъ въ процессѣ обращенія». Точно также издержки храненія товаровъ Марксъ считаетъ непроизводительными лишь постольку, «поскольку онѣ обусловлены капиталистическими отношеніями производства». Но г. Базаровъ, какъ оказывается, не усмотрѣлъ, что Марксъ во всѣхъ этихъ случаяхъ только строго слѣдуетъ своей основной точкѣ зрѣнія: поэтому указываемыя г. Базаровымъ «противорѣчія», «ошибки» и «неточности» въ политико-экономическихъ взглядахъ Маркса, «составляютъ неотъемлемую собственность г. Базарова». Г. Прокоповичъ не далъ себѣ труда показать, въ чемъ именно заключается научное значеніе строгаго раздѣленія «технически-необходимаго» труда отъ труда «общественно-не обходимаго»; онъ просто заявилъ ex cathedra, что такое раздѣленіе «плодотворно для теоріи производства». Нельзя не пожалѣть, что г. Прокоповичъ не обосновалъ, а только декретировалъ свой взглядъ. Это тѣмъ болѣе странно, что около двухъ третей разбираемой г. Прокоповичемъ брошюры какъ разъ и посвящены критикѣ этого взгляда. Какими бы слабыми и несостоятельными ни казались г. Прокоповичу доводы моей брошюры, все же его задача, какъ рецензента, заключалась скорѣе въ томъ, чтобы ихъ опровергнуть, нежели въ томъ, чтобы ихъ замалчивать. Вопросъ, который предстояло здѣсь рѣшить, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) возможно ли разграничивать технически-необходимый и общественно-необходимый трудъ; и 2) если возможно, то допустимо ли это различіе въ теоріи производства?

Разрѣшеніе первой части вопроса представляется г. Прокоповичу, повидимому, крайне простымъ и легкимъ. Возьмемъ хоть бы трудъ перевозки и храненія продуктовъ труда. Трудъ перевозчиковъ и приказчиковъ

производителенъ постольку, поскольку онъ не обусловленъ «капиталистическими отношеніями производства». Что можетъ быть проще? Если какой нибудь товаръ, напр. московскій ситецъ, направляется сначала на Нижегородскую ярмарку, а оттуда уже попадаетъ въ руки тульскаго или орловскаго потребителя, то онъ дѣлаетъ 800 верстъ вмѣсто тѣхъ 400, которыя отдѣляютъ московскаго производителя отъ орловскаго потребителя по прямой линіи. Очевидно, съ точки зрѣнія г. Прокоповича, трудъ перевозки производителенъ лишь постольку, поскольку интересующій насъ ситецъ дѣлаетъ первыя 400 верстъ, перевозка же на протяженіи остальныхъ 400 верстъ осуществляется уже при помощи явно непроизводительнаго труда. Однако, если мы попробуемъ нѣсколько болѣе внимательно присмотрѣться къ вопросу, то онъ, пожалуй, утратитъ значительную часть своей соблазнительной простоты и ясности. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ примѣрѣ потребитель и производитель ситца отдѣлены другъ отъ друга разстояніемъ въ 400 верстъ. Спрашивается, является ли это «технически необходимымъ?» Не удобнѣе ли было бы съ чисто «технической» точки зрѣнія, если бы потребитель находился тутъ же, подъ бокомъ? Вѣдь, пожалуй, что и такъ. Что жъ, г. Прокоповичъ, ужъ не зачислить ли намъ и трудъ перевозчиковъ на протяженіи первыхъ 400 верстъ въ категорію непроизводительнаго?

Очевидно, что опредѣлить «технически-необходимое» разстояніе производителя отъ потребителя совершенно немыслимо, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и пресловутое «поскольку, постольку». Широкое общественное раздѣленіе труда, отдѣляющее производителя отъ потребителя цѣлыми сотнями и тысячами верстъ, совмѣстимо, какъ извѣстно, далеко не со всякой общественно-экономической организаціей. Ни феодальное производство, ни производство патріархально-родовое не допускаютъ подобнаго «техническаго» отношенія. Изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣчеству общественныхъ организацій только капиталистическая имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ «техническимъ» коррелатомъ широкое общественное раздѣленіе труда. Кромѣ того, есть основанія предполагать, что та будущая формація общества, основныя черты которой уже начинаютъ намѣчаться въ современномъ строѣ, еще шире разовьетъ раздѣленіе труда между своими членами.

Не только фактически, въ исторіи, каждая техническая необходимость является въ неразрывной причинной связи съ вполнѣ опредѣленной общественной организаціей производства, но даже въ идеѣ, въ абстракціи невозможно представить себѣ технически-необходимый трудъ, какъ нѣчто абсолютное, надъ-историческое, совершенно независимое отъ той или другой опредѣленной формы общественнаго производства. И когда какой-либо теоретикъ, хотя бы мой уважаемый рецензентъ г. Прокоповичъ, пытается фактически провести различіе между технически-необходимымъ и общественно-необходимымъ трудомъ, то онъ, въ сущности, производитъ слѣдующую логическую операцію. Выхватываетъ изъ даннаго общественно-производственнаго строя то, что ему почему-либо нравится, напр. общественное раздѣленіе труда; откидываетъ то, что ему не нравится, напр. капиталистическую форму обращенія; замѣняетъ отброшенныя черты другими уже извѣстными изъ человѣческой исторіи, или же совершенно новыми, только «умопостигаемыми» (но тѣмъ болѣе, конечно, *раціональными*), и съ точки зрѣнія полученной такимъ путемъ фиктивной картины начинаетъ оцѣнивать реально-существующія отношенія—устанавливаетъ экономическую классификацію труда. При этомъ критеріемъ этой классификаціи все-таки оказывается не трудъ технически-необходимый, но трудъ необходимый *общественно*, но уже не въ данномъ реально-существующемъ обществѣ, а въ томъ умопостигаемомъ мірѣ, который существуетъ только въ головѣ теоретика и представляетъ изъ себя самое прихотливое сплетеніе Dichtung und Wahrheit. Такимъ образомъ, всякая попытка положить въ основу теоріи производства различіе технически-необходимаго и общественно-необходимаго труда неизбѣжно наталкивается на неразрѣшимое внутреннее противорѣчіе. Источникомъ подобнаго рода теорій является вѣра въ существованіе единственнаго «естественнаго» устройства общества, абсолютно истиннаго, пригоднаго на всякой ступени историческаго развитія. Представленіе объ «ordre naturel», выдвинутое просвѣтителями XVIII вѣка, было впослѣдствіи усвоено и утопистами; измѣнилось только содержаніе идеала, но методъ, самая форма воззрѣній, осталась неприкосновенной. Съ точки зрѣнія «ordre naturel», конечно, вполнѣ естественно различать абсолютно-необходимые и временно, исторически-необходимые виды труда.

Однако, Марксъ, какъ извѣстно, далеко не былъ приверженцемъ этихъ воззрѣній. Не кто иной, какъ именно онъ, написалъ нижеслѣдующія строки:

«Les économistes ont une singulière manière de procéder. Il n'y a pour eux que deux sortes d'institutions, celles de l'art et celles de la nature. Les institutions de la féodalité sont des institutions artificielles, celles de la bourgeoisie sont des institutions naturelles. Ils ressemblent en ceci aux théologiens, qui eux aussi établissent deux sortes de religions. Toute religion qui n'est pas la leur est une invention des hommes, tandis que leur propre religion est une émanation de dieu». (Misère de la Ph. 1847. 113. Цит. въ Das Kapital, 90 г. I, 48). Разсматривая исторію, какъ единый и нераздѣльный процессъ, развивающійся съ силою естественной необходимости, Марксъ, какъ видно уже изъ этой выдержки, совершенно не допускалъ раздѣленія историческихъ явленій на естественныя и искусственныя. Понятное дѣло, что и въ теоріи производства Марксъ не могъ подобно Оуэну и др. утопистамъ проводить абсолютно-рѣзкаго различія между трудомъ «технически» или естественно-необходимымъ и трудомъ «общественно» или исторически-необходимымъ. Старыя воззрѣнія еще оказывали на Маркса вліяніе въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ (нѣкоторые изъ нихъ указаны въ брошюрѣ), но общая постановка вопроса у Маркса уже совершенно иная. Для Маркса тотъ будущій строй, съ точки зрѣнія котораго онъ устанавливалъ понятіе производительнаго труда, представлялся не ordre naturel, не абсолютно-естественнымъ, но естественнымъ и необходимымъ при *данныхъ конкретныхъ историческихъ условіяхъ*. Извѣстно, что Марксъ уже въ 50-хъ годахъ считалъ капиталистическую систему отжившей. Ему казалось, что уже въ то время опредѣленные виды необходимаго въ капиталистическомъ обществѣ труда стали излишними, общественно ненужными. Представителей этихъ

отраслей труда онъ естественнымъ образомъ считалъ непроизводительнымъ, общественно паразитическимъ элементомъ, сохраняющимъ свое положеніе только въ силу юридическихъ пережитковъ.

Я, конечно, вовсе не думаю разбирать здѣсь по существу всѣ эти вопросы, пріобрѣтшіе за послѣднее время жгучій интересъ злобы дня, мнѣ хотѣлось только намѣтить ту связь, которая, по моему мнѣнію, неизбѣжно существуетъ между воззрѣніями на производительный трудъ и общимъ пониманіемъ историческаго развитія. Что же касается, собственно, непоколебимой вѣры г. Прокоповича въ «научную плодотворность» строгаго раздѣленія «технически-необходимаго» и «общественно-необходимаго» труда, то намъ остается только прибавить, что шаткость ея легко обнаруживается и съ совершенно другой точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы превращеніемъ продуктовъ труда въ цѣнности завѣдывали умудренные европейскою наукою интеллигенты, вродѣ моего строгаго критика, то очень вѣроятно, что имъ и удалось бы какъ-нибудь раздѣлить трудъ технически-необходимый отъ труда общественно-необходимаго. Но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности упомянутой метаморфозой «завѣдуетъ» не критическое сознаніе гг. ученыхъ, а безсознательный стихійный процессъ, совершающійся «за спиною производителей». И я былъ бы очень признателенъ г. Прокоповичу, если бы онъ разъяснилъ мнѣ, какимъ образомъ этотъ стихійный процессъ можетъ руководиться такимъ схоластически-тонкимъ различіемъ, какъ технически-необходимый и общественно-необходимый трудъ. Не только въ капиталистическую эпоху, но рѣшительно при всякой производительной организаціи для общества имѣетъ значеніе лишь общее количество всего труда, необходимаго для поддержанія жизни общественнаго цѣлаго; при этомъ совершенно безразлично, какая именно сторона общественнаго устройства вызываетъ тѣ или иныя конкретныя формы труда. Г. Прокоповичъ справедливо утверждаетъ, что «категорія трудовой цѣнности (лучше было бы въ *этомъ* смыслѣ употреблять слово «стоимость», какъ это предложилъ г. Туганъ-Барановскій) носитъ надъ-историческій характеръ». Но этимъ надъ-историческимъ характеромъ трудовая стоимость обладаетъ лишь какъ *количественное* мѣрило производительной силы труда. «Развитіе производительныхъ силъ»—несомнѣнно вѣчный законъ историческаго развитія; его сфера, строго говоря, даже шире, чѣмъ сфера исторіи, ибо въ каждой побѣдѣ общества или группы людей, работающихъ болѣе производительно, чѣмъ ихъ соперники, проявляется только всеобщій законъ выживанія наиболѣе приспособленныхъ.

Стоимость, *количество* труда общественно-необходимаго для производства есть, несомнѣнно, вѣчный регуляторъ человѣческаго развитія. Однако, отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что стоимость съ *качественной* стороны можетъ получить какое-либо надъ-историческое опредѣленіе, что можно разъ навсегда опредѣлить всѣ виды образующаго стоимость труда внѣ всякой зависимости отъ той или другой организаціи производства.

Итакъ, на оба вопроса, поставленные выше, приходится, какъ намъ кажется, отвѣтить отрицательно:

1) Различіе технически- и общественно-необходимаго труда логически немыслимо.

2) Если бы оно и было возможно, оно не могло бы внести въ пониманіе хозяйственнаго развитія человѣка ничего, кромѣ безплодной путаницы понятій.

Г. Прокоповичъ заканчиваетъ свою рецензію однимъ, какъ онъ справедливо выразился, «курьезомъ». «Г. Базаровъ полагаетъ, что «циркуляція права собственности» совершается въ головѣ человѣка. Если вы идете на биржу или въ банкирскую контору и покупаете какія-либо акціи,—акціи эти не переходятъ изъ рукъ банкира въ ваши руки, а только циркулируютъ въ головѣ; не знаю, право, въ вашей или въ головѣ банкира». Итакъ, по мнѣнію г. Прокоповича, переходъ акцій изъ рукъ въ руки и есть «циркуляція *права* собственности?» Для того, чтобы «право» собственности на акціи перешло отъ банкира къ кліенту, достаточно перемѣстить акціи, но совершенно не нужно, чтобы это передвиженіе сопровождалось какимъ-либо процессомъ въ сознаніи, «въ головѣ» банкира или кліента? При помощи весьма простого опыта легко обнаружить всю ошибочность этой слишкомъ уже «матеріалистической» точки зрѣнія. Пусть только г. Прокоповичъ попробуетъ перемѣстить акціи изъ конторки банкира, не доводя этотъ фактъ до сознанія послѣдняго...

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что г. Прокоповичъ не совсѣмъ правильно анализировалъ мою психологію, усмотрѣвъ въ ней преступныя черты того русскаго интеллигента, который «считаетъ себя единственнымъ представителемъ истинной науки, настоящимъ сосудомъ истины». Отнюдь нѣтъ; мнѣ прекрасно извѣстно, что еще гораздо раньше моей статьи, и почти одновременно съ ней, и даже послѣ нея представители самыхъ разнообразныхъ направленій, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія высказывалм мысли, близкія въ тѣмъ, которыя развиваются въ моей брошюрѣ. Мнѣ было бы очень легко опереться на цѣлыя десятки цитатъ изъ авторовъ разныхъ лагерей и временъ, начиная съ Бернштейна [1]) и Герца и кончая Макъ-Куллохомъ, Гарнье и даже Маклеодомъ. Но подобное утолщеніе брошюры представлялось мнѣ совершенно излишнимъ. Моя цѣль заключалась только въ томъ, чтобы подчинить всѣ высказанныя по разнымъ поводамъ отдѣльныя мысли и мнѣнія одной общей точкѣ зрѣнія, которую я считаю единственно правильной, и которая, несмотря на филиппику г. Прокоповича, мнѣ до сихъ поръ кажется неразрывно связанной съ историческимъ методомъ Маркса.

В. Базаровъ.

---

[1]) Г-ну Прокоповичу я особенно рекомендую слѣдующія слова Бернштейна: «Die entwickelten wie auch andere hier nicht zu erörtende Functionen (т. е. главнымъ образомъ функціи, необходимыя для «перемѣны формы цѣнности») sind ihrer Natur nach für das Gesellschafts wesen der Neuheit unelässlich... *In der Werthlehre, die doch für die gegenwärtige Gesellschaft gilt, erscheint jedoch die ganze für sie auffallende Ausgabe theils als «Unkost», theils als integrirender Theil der Ausbeutungsrate*» («Voraussetzungen» etc. 43—47).